

УДК 342.7(091)

К. Н. МорозовНИПЦ «Мемориал»
Малый Каретный пер., 12, Москва, 127051, Россия
E-mail: mak92@internets.ru**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ПОДСУДИМЫХ
ПРОЦЕССА СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ 1922 ГОДА**

Проходивший с 8 июня по 7 августа 1922 г. в Верховном трибунале при ВЦИК судебный процесс социалистов-революционеров стал первым советским крупномасштабным показательным политическим процессом (см. об этом: [4; 5. С. 87–105; 9. С. 80–84; 10; 11; 12; 14; 16. С. 193–214; 17], опыт которого широко использовался в последующей практике организации аналогичных акций. По своей яркости и по количеству особенностей, затрагивающих самые разные сферы юриспруденции, с ним не сравнится ни один из последующих процессов советского времени. Председательствовал на суде рекомендованный Политбюро член ЦК РКП(б) Г. Л. Пятаков, имевший за плечами 3 курса юридического факультета, членами суда являлись А. В. Галкин и О. Я. Карклин, а Н. М. Немцов и Ф. И. Озол были заместителями председателя. Обвинение поддерживали Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский и М. Н. Покровский.

Впервые в российской практике на процесс было выведено две группы подсудимых. Первая группа «нераскаившихся» эсеров состояла из 22 человек, главным образом членов ЦК ПСР¹, а вторая («ренегаты») включала в себя десять обвиняемых из бывших эсеров, большинство которых к 1922 г. уже стали коммунистами и призваны были сыграть свою роль в «разоблачении» «преступлений» ПСР. В защите подсудимых первой группы приняли участие виднейшие силы русской адвокатуры, прославившиеся участием еще в политических процессах царского времени – Н. К. Муравьев, А. С. Тагер,

В. А. Жданов, С. А. Гуревич, Г. Л. Карякин, А. Ф. Липскеров, М. А. Оцеп, Г. Б. Пагушинский, Б. Е. Ратнер. В качестве защитников от социалистических Интернационалов на процессе присутствовали Э. Вандервельде, А. Вотерс, К. Розенфельд и Т. Либкнехт (брат погибшего немецкого коммуниста К. Либкнехта).

Вторую группу подсудимых защищали коммунисты Н. И. Бухарин, А. А. Биценко, В. Вегер, Р. Т. Катаян, Н. Н. Овсянников, И. Н. Стуков, М. П. Томский, С. Б. Членов, П. А. Шубин, а также выдвинутые Исполкомом III Интернационала Ж. Садуль и Ф. Кон. Процесс сопровождался мощной антиэсеровской пропагандистской кампанией (многочисленные выступления в печати, митинги и демонстрации, петиционная кампания) и приковал к себе внимание всей социалистической и демократической общественности не только в России, но и в Европе и Америке, где также в свою очередь проходила широкая протестная антибольшевистская кампания. В протесте против суда над социалистами-революционерами и вынесения им смертного приговора участвовали все социалистические партии, многие профсоюзы, а также все видные научные и общественные фигуры Франции, Германии и Англии, такие как А. Эйнштейн, А. Франс, А. Барбюс, Р. Роллан, Г. Уэллс [1. С. 90–91].

Из-за многочисленных нарушений, допущенных в ходе организации и ведения процесса, его покинули сначала иностранные, а затем и российские защитники подсудимых первой группы. Слова адвоката Н. К. Муравьева: «Горе той стране, горе тому народу, которые с неуважением относятся к закону и смеются над людьми, этот закон защищающими», были встречены криками зала и замечанием Председателя суда – «за оскорбле-

Статья публикуется в порядке обсуждения.

¹ ПСР – здесь и далее Партия социалистов-революционеров.

ние русского народа». Чуть позже часть российских защитников была арестована и отправлена в ссылку, о чем Ф. Э. Дзержинский лично просил Политбюро РКП(б) [15. Т. 46. Л. 156].

По приговору Верхтриба² ВЦИК 7 августа 1922 г. к высшей мере наказания были приговорены 12 подсудимых первой группы: В. В. Агапов, А. И. Альтовский, М. Я. Гендельман, Л. Я. Герштейн, А. Р. Гоц, Д. Д. Дон-ской, Н. Н. Иванов, Е. А. Иванова-Иранова, М. А. Лихач, С. В. Морозов, Е. М. Ратнер, Е. М. Тимофеев.

Остальные обвиняемые из первой группы получили различные сроки заключения со строгой изоляцией: Н. И. Артемьев, М. А. Веденяпин, А. В. Либеров, Д. Ф. Раков, Ф. Ф. Федорович – по 10 лет; Е. С. Берг, М. И. Львов (настоящее имя – П. С. Галанов), В. Л. Утгоф – по 5 лет; Г. Л. Горьков – 3 года, П. В. Злобин – 2 года. Подсудимые-ренегаты второй группы Ю. В. Морачевский и Г. М. Ратнер были оправданы, Г. И. Семенов, В. И. Игнатъев и Л. В. Коноплева были приговорены к высшей мере наказания, остальные – к различным срокам наказания (П. Т. Ефимов – 10 лет, Ф. В. Зубков, К. А. Усов, Ф. Ф. Федоров-Козлов – по 5 лет, И. С. Дашевский, П. Н. Пелевин – по 3 года, Ф. Е. Ставская – 2 года).

После дискуссии в Политбюро и на Пленуме ЦК РКП(б) поддержанное И. В. Сталиным предложение Л. Д. Троцкого о расстреле «4-х эсеров» было провалено, и в результате длительных споров появилось компромиссное решение, оформленное 8 августа 1922 г. в виде Постановления Президиума ВЦИК, гласившего: «Приговор Верховного Трибунала в отношении к подсудимым первой группы, приговоренных к высшей мере наказания, утвердить, но исполнением приостановить. [...] Наоборот: изменение партий социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа» [15. Т. 1. Ч. 3. Л. 4]. Все подсудимые первой группы прошли сквозь нескончаемую череду тюрем, ссылок, лагерей и за исключением одного – А. И. Альтовского – не пе-

режили годы «большого террора». Не уцелела и большая часть подсудимых второй группы.

Пересмотр приговоров осужденных начался по решению Генеральной прокуратуры РФ с 1997 г., когда Отдел реабилитации жертв политических репрессий рассмотрел первое из дел – дело М. И. Львова. Весной 2001 г. было осуществлено рассмотрение дел и всех остальных осужденных по процессу, включая и лиц, которым предъявлялись обвинения (всего обвинялось 177 чел., в том числе эсеры-эмигранты), но на суд в силу ряда причин не выведенных. Итоги этой работы были аккумулированы в двух десятках «Заключений» (часть из них касалась групп лиц), подшитых к одному из дел, хранящихся в фонде документов эсеровского процесса Центрального архива ФСБ РФ.

Анализ заключений Генпрокуратуры РФ о реабилитации одних и отказе в ней другим участникам процесса социалистов-революционеров показывает, какие парадоксальные ситуации возникают в ходе реабилитации политических противников режима. Прежде всего обращает на себя внимание стилистика и логика юридических заключений.

Так, члена ЦК ПСР и члена антибольшевистского архангельского правительства в 1918 г. М. А. Лихача не реабилитировали, фактически обвинив в измене Родине и пособничестве антантовским оккупантам: **«На полученные от иностранных антисоветских миссий (здесь и далее выделено нами. – К. М.) деньги, переданные ему Игнатъевым, выехал для организации антисоветского восстания в Вологду, откуда, ожидая антантовский десант, перебрался в Архангельск, войдя в состав антисоветского правительства «Северной области», опирающегося на антантовские военные силы, по существу оккупировавшие эту территорию, т. е. фактически перешел на сторону врага, ведущего войну с Советской Россией»** [15. Т. 1. Ч. 2. Л. 123, 123 об.]. В аналогичной стилистике выдержаны тексты и других «отказных» заключений: «[...] Гоц признан виновным в том, что, будучи одним из влиятельнейших членов ЦК партии социалистов-революционеров (правых), поддерживал и разделял установку ЦК на вооруженное свержение рабоче-крестьянской власти в России. В прошлом

² Верхтриб – Верховный трибунал.

участвовал в организации в контрреволюционных целях вооруженных восстаний и вторжений на территорию России вооруженных отрядов и банд, участвовал в попытках захвата власти в центре и на местах и насильственном расторжении договоров, заключенных РСФСР, отторжении от Республики некоторых частей ее. Кроме того, руководил деятельностью террористических партийных групп, готовивших покушения на Ленина, Троцкого, Берзина и поезд Совета Народных Комиссаров, убийство Володарского. **В основной своей части предъявленное Гоцу обвинение подтверждено его собственными показаниями, данными в суде, в которых он заявил, что считает себя полностью ответственным за все решения ЦК партии, направленные на организацию вооруженной борьбы с советской властью, подтвердил, что сразу же после свержения правительства Керенского он принимал меры к свержению власти большевиков и с этой целью выезжал в войска под Петроградом, в том числе, к генералу Краснову, для организации их выступления на Петроград [...]**» [15. Т. 1. Ч. 3. Л. 105–106 об.].

В подготовленном А. Г. Абрамовым и прокурором отдела реабилитации И. О. Ковалевской и утвержденном Помощником Генерального прокурора РФ Н. С. Власенко 28 мая 2001 г. «Заключении в отказе от реабилитации» Д. Д. Донского говорится: **«Был в курсе подготовлявшихся группой Семенова с участием Каплан терактов в отношении Ленина и Троцкого, направил Каплан в группу Семенова. Поддерживал необходимость террористической деятельности в отношении руководителей партии большевиков [...]** Таким образом, материалами дела подтверждена вина Донского в совершении преступлений, предусмотренных ст. 57, 58 ч. 1, 60, 76 ч. 1, 65 и 64 УК РСФСР, в связи с чем следует признать репрессирование Донского обоснованным, а его – не подлежащим реабилитации. На основании изложенного, руководствуясь ст. 4 Закона РФ «О реабилитации...», в реабилитации Донского отказать» [15. Т. 1. Ч. 2. Л. 123, 123 об.]. В то же время члена ЦК ПСР и члена антибольшевистского эсеровского правительства Самарского Комуча (1919 г.) Д. Ф. Ракова реабилитировали, подчеркнув, что в конце 1919 г., находясь в Сибири, он

свергал «антисоветский, антинародный режим Колчака» [15 Т. 1. Ч. 2. Л. 112 об].

А в заключении о реабилитации М. Я. Гендельмана, утвержденном 28 июня 2001 г. и. о. Помощника Генерального прокурора РФ Т. М. Бобылевой, говорится: **«Хотя Гендельман, будучи членом ЦК партии эсеров (правых) и членом фракции Учредительного Собрания, знал и поддерживал позицию партии в вопросах борьбы с большевистской властью, но ни в материалах дела, ни в судебных материалах нет доказательств его личного участия в контрреволюционной работе.** Единственное, что установлено по делу, он, как представитель Самарского Комитета членов Учредительного собрания, участвовал на Уфимском совещании, где власть была передана по существу антисоциалистическому органу – Директории, что, в конечном счете, привело к передаче власти к Колчаку. Как видно из материалов дела, такое решение **было вынужденным и его инициатором Гендельман не был. Поэтому и его осуждение нельзя признать обоснованным»** [15. Т. 1. Ч. 2. Л. 103, 103 об.].

Или вот, например, формулировка из заключения по делу В. В. Агапова: «Его обвинение по ст. 60 УК РСФСР в настоящее время также нельзя признать обоснованным, так как по своей сути **эсеровская организация не была контрреволюционной, а только антибольшевистской**, так как была не согласна с методами действия большевиков».

Подобное же констатировалось и в заключении о реабилитации, утвержденном 28 июня 2001 г. и. о. Помощника Генерального прокурора Т. М. Бобылевой, касавшемся **Е. М. Тимофеева, Н. Н. Иванова, А. И. Альтовского, Ф. Ф. Федоровича, В. Л. Утгофа-Дерюжинского:** «[...] суд в приговоре в отношении Иванова, Тимофеева, Федоровича значительно вышел за рамки предъявленных им обвинений, что нельзя признать правильным [...] Хотя по делу установлено, что, будучи руководителем военной работы в Москве, Тимофеев принимал меры к направлению в Поволжье, где концентрировались силы эсеров, для организации правительства Учредительного Собрания, сторонников эсеров, **но не установлено, что он туда направлял и заведомо контрреволюционные элементы. Сама же работа эсеров по организации в Поволжье**

правительства Учредительного Собрания, была не контрреволюционной, а только антибольшевистской» [15. Т. 1. Ч. 3. Л. 117–118 об.].

Теперь обратимся к тексту Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», принятого 18 октября 1991 г. [6. Ст. 1428]. Несмотря на внесение в него с момента принятия некоторых дополнений и изменений, как представляется, нормы и положения данного закона, вступившего в силу на стыке двух исторических эпох, не охватывают целого ряда ситуаций, связанных с реабилитацией жертв политических репрессий, в частности участников гражданской войны, что часто приводит к парадоксам в реальной реабилитационной практике. Уместно отметить, что на коллизии, возникающие при применении Закона к некоторым категориям политических противников советского режима, первыми обратили внимание правозащитники [7. С. 9; 3. С. 17–18].

Прежде всего, обратимся к трем статьям закона, определяющим круг лиц, подлежащих и не подлежащих реабилитации, и перечисляющим деяния, за которые репрессированные реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинения.

Статья 3, определяющая круг лиц, подлежащих реабилитации, гласит, что к ним относятся «лица, которые по политическим мотивам были: а) осуждены за государственные и иные преступления; б) подвергнуты уголовным репрессиям по решениям органов ВЧК, ГПУ–ОГПУ, УНКВД–НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегий, комиссий, “особых совещаний”, “двоек”, “троек” и иных органов, осуществлявших судебные функции; в) подвергнуты в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в “рабочих колоннах НКВД”, а также иным ограничениям прав и свобод; г) необоснованно помещены по решениям судов и несудебных органов в психиатрические учреждения на принудительное лечение; д) необоснованно привлечены к уголовной ответственности, и дела на них прекращены по нереабилитирующим основаниям; е) признаны социально опасными по политическим мотивам и подвергнуты лишению свободы, ссылке, высылке по реше-

ниям судов и внесудебных органов без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления».

Таким образом, можно констатировать, что данная статья предельно широко и всеохватывающе очерчивает круг лиц, подлежащих реабилитации. В частности, подсудимые процесса социалистов-революционеров 1922 г. подпадают под определение п. «а» упомянутой выше статьи закона.

Статья 5 определяет круг деяний, которые Закон признает «не содержащими общественной опасности» и реабилитирует репрессированных по ним «независимо от фактической обоснованности обвинения лица». Такими лицами признаются «осужденные за: а) антисоветскую агитацию и пропаганду; б) распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй; в) нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви; г) посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов, д) побег из мест лишения свободы, ссылки и спецпоселения, мест привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы лиц, которые находились в указанных местах в связи с необоснованными политическими репрессиями, то есть по статьям 70, 190¹, а также по статьям 142 и 227 Уголовного кодекса Российской Федерации и аналогичным нормам ранее действовавшего законодательства».

Кто же по Закону не подлежит реабилитации? Статья 4 гласит, что из перечисленных в статье 3 Закона категорий не подлежат реабилитации лица, «обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений: а) измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия; б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны; в) организация бандформирований, совершивших убийства, грабежи и другие

насильственные действия, а также принимавших личное участие в совершении этих деяний в составе бандформирований; г) военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия. Кроме того, не подлежат реабилитации направленные в административном порядке на спецпоселение лица из числа репатриированных советских граждан (военнопленных и гражданских лиц), служивших в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции, если имеются доказательства их участия в разведывательных, карательных и боевых действиях против Красной Армии, партизан, армий стран антигитлеровской коалиции и мирного населения, за исключением тех, кто впоследствии принимал участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск в составе Красной Армии, партизанских отрядов или в движении Сопротивления».

Вот именно эта статья, задачей которой было не допустить реабилитации, прежде всего, всякого рода изменников, военных преступников и пособников фашистским оккупантам, дает возможность распространить действие п. «а» («измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия») и на участников гражданской войны.

Справедливо утверждение В. Н. Кудрявцева и А. И. Трусова, что запрещение реабилитации за «военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия» «...имеет, можно сказать, историческое значение. В нравственном и политическом отношении оно свидетельствует о том, что народ, в частности, не намерен прощать инициаторов, организаторов и активных участников незаконных репрессий, даже если они в свое время были осуждены юридически некорректно» [8. С. 336]. Но данная статья, имея своей задачей поставить препону в реабилитации вышеназванным преступникам, помимо воли разработчиков позволила распространить отказ в реабилитации и на участников гражданской войны, оказавшихся вдруг на одной доске с пособниками фашистских оккупантов и организаторами «большого террора».

В данной статье Закона оговаривается, что не реабилитируются лица, «обоснованно

осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства» по обвинению в вышеперечисленных преступлениях. Вот здесь и таится корень возникающих парадоксов, когда рассматриваются дела о реабилитации участников гражданской войны, боровшихся с большевистским режимом. В частности, под обвинение в «переходе на сторону врага» подпадают члены Архангельского правительства в 1918 г., которых, как М. Лихача, обвиняют и в 2001 г. в измене Родине и пособничестве антантовским оккупантам. Подобным же обвинениям легко могут быть подвергнуты и деятели всех белогвардейских режимов, в том числе, и А. И. Деникин (чей прах недавно торжественно привезен на родину), Н. Н. Юденич, А. В. Колчак (которому поставлен памятник в Иркутске) и др. Более того, все армии антибольшевистского сопротивления могут быть отнесены только к «бандформированиям», ибо ни о каких других формах вооруженного сопротивления в годы гражданской войны, участие в которых подлежало бы реабилитации, закон не говорит.

Важно иметь в виду, что активная пропагандистская кампания, формируя негативное отношение к противникам большевистского режима во всех strataх общества, оказывала свое воздействие и на тех, кто выносил приговоры. Ведь не только в пропагандистской литературе и приговорах времен гражданской войны, но и в приговорах 1937–1938 гг. можно часто встретить определение «белобандит». Возможно ли сегодня при отказе в реабилитации определить, насколько подобные обвинения носили обоснованный характер, как этого требует Закон?

Во многих ли подобных делах периода гражданской войны, – учитывая, с одной стороны, практику правосудия того времени, не обременявшего себя поиском доказательств личной вины обвиняемого, а с другой – крайне низкий профессиональный уровень соответствующих кадров, подавляющее большинство которых не имело не только юридического, но и вообще какого-либо высшего образования, – имеются, как того требует Закон, «...достаточные доказательства по обвинению в совершении... преступлений»? Ответ на этот вопрос достаточно очевиден.

И, наконец, даже в тех случаях, когда свидетельства вины и собирались, остро стоит вопрос об их подлинности. Сказанное в полной мере относится к показательному процессу социалистов-революционеров. Это верно подметил Э. Вандервельде, который по возвращении из Москвы в Европу заявлял: «Большевики выставили против социалистов-революционеров четыре обвинения: 1. Социалисты-революционеры с оружием в руках защищали Временное правительство. Социалисты-революционеры признают этот факт и гордятся этим. 2. Социалисты-революционеры с оружием в руках защищали Учредительное собрание. Социалисты-революционеры признают это и жалеют, что им не удалось этой защиты довести до конца. 3. Социалисты-революционеры вели вооруженную борьбу с советской властью. Социалисты-революционеры признают, что это, несомненно, исторический факт. Но все три обвинения теперь падают, так как советская власть издала по этим деяниям акт об амнистии и даже легализовала партию. 4. Социалисты-революционеры принимали участие в убийстве Володарского и покушении на Ленина. Но этому нет ни одного доказательства, ни одного свидетеля – кроме признаний провокаторов Семенова и Коноплевой, словам которых никто не верит» (см.: [2]).

Что особенно примечательно, на процессе юридически спорными или недоказанными оказались как раз такие обвинения, как шпионаж в пользу иностранных государств, призывы к интервенции, пособничество «антантовским» оккупантам, подготовка и устройство диверсионных, террористических актов и организация экспроприаций. Между тем именно подобные обвинения позволяли скомпрометировать подсудимых эсеров и всю партию в целом, которая была в то время способна привлечь на свою сторону симпатии значительной части крестьян, рабочих и даже красноармейцев, разочаровавшихся большевистской политике.

Возникает еще один важный вопрос. Закон совершенно не оперирует понятиями «контрреволюционный», «антибольшевистский» и, следовательно, их соотношением. Только в ст. 5 говорится о реабилитации «независимо от фактической обоснованности обвинения», если человек был осужден за

«антисоветскую агитацию и пропаганду». Между тем в ряде цитированных выше «Заключений» Генпрокуратуры при пересмотре дел осужденных по процессу социалистов-революционеров происходит сопоставление понятий «контрреволюционный» и «антибольшевистский». Первое из понятий применяется как синоним безусловной вины, тогда как второе сегодня уже не несет в себе обвинительного уклона. В данном контексте не менее примечательна следующая формулировка в Заключении о реабилитации Г. Л. Горькова: «...Горьков-Добролюбов осужден только за то, что являлся членом партии эсеров (правых), что нельзя признать достаточно правильным, так как **причастность к партии не может рассматриваться как уголовное преступление, если не установлено, что конкретный ее член занимался антисоветской деятельностью**» [15. Т. 1. Ч. 2. Л. 106 об.].

Можно согласиться, что принадлежность к политической партии не является уголовным преступлением. Однако далее утверждается: если установлена причастность конкретного лица к «антисоветской деятельности», это может рассматриваться «как уголовное преступление». Но разве это не противоречит п. «а» ст. 5 Закона, требующему реабилитации «независимо от фактической обоснованности обвинения», если человек был осужден за «антисоветскую агитацию и пропаганду»? Разве «антисоветская агитация и пропаганда» не входит в более широкое понятие «антисоветская деятельность»? Между тем партия эсеров не только не скрывала своей «антисоветской деятельности», но и прямо заявляла в решениях своих съездов и Советов партии о твердом желании отстранить партию большевиков от власти, захватившей ее незаконно. Все 22 подсудимых первой группы на эсеровском процессе не скрывали и даже гордились тем, что занимались «антисоветской деятельностью», в том числе и используя вооруженные формы борьбы, а вовсе не только методы агитации и пропаганды.

В данном контексте ясно, почему Верховный трибунал в 1922 г. считал всех членов данной группы виновными перед советской властью, введя при этом для них лишь дифференциацию в наказании. Можно ли в таком случае рассматривать решение Генпро-

куратуры РФ 2001 г. о реабилитации 18-ти из них и нереабилитации четверых как объективное и свободное от «перегибов» раннесоветской политической юстиции? Вопрос, по меньшей мере, остается открытым и с исторических, и с правовых позиций. Очевидно, что современная юстиция среагировала здесь, прежде всего, на обвинения в адрес тех, чья вина состояла в терроризме (будь то санкционирование или организация покушения на лидеров большевиков в 1918 г.), или измене Родине, или в осуществлении «эксов», а потому и не имеет срока давности. Но если даже в ходе процесса стороне обвинения не удалось представить безусловных доказательств вины лидеров эсеров в инкриминируемых им деяниях, то что же могло усилить доказательную сторону обвинения восемь десятилетий спустя?

Кроме того, даже если не вступать в спор о наполнении терминов «контрреволюционный» и «антибольшевистский», между которыми сама большевистская власть ставила знак равенства, все равно возникают вопросы. Большинство эсеров центра, правых, правоцентристов и даже левоцентристов (последние – с рядом оговорок) были сторонниками Февральской революции, боролись за ее демократические завоевания, и в этом смысле они – революционная партия. Но они же категорически были против Октябрьской революции, которую считали переворотом, узурпацией власти Временного правительства и, что важнее, Учредительного Соборания, и с этой точки зрения они контрреволюционны. А если по ст. 60, скажем, осудили белого офицера за его действия в годы гражданской войны, офицера-монархиста, который был не только антибольшевистски настроен, но и в прямом смысле слова «контрреволюционер», являясь противником любой революции, то, по данной логике, очевидно, что приговор в отношении него следует признать сохраняющим юридическую силу. Насколько это соответствует Закону о реабилитации жертв политических репрессий и сегодняшним реалиям?

Вполне можно согласиться с выводом известных правоведов В. Кудрявцева и А. Трусова, констатировавших, что «...судебные органы, осуществлявшие политические репрессии, с самого начала их существования не имели ничего общего с независимым и беспристрастным судом, который деклари-

ровался в международных документах и провозглашался демократическими конституциями» [8. С. 264]. Но серьезность, даже, можно сказать, «глобальность» отступлений от основополагающих юридических принципов и собственных законов при организации и проведении процесса социалистов-революционеров 1922 г. с точки зрения сугубо юридической делают все его решения «неправосудными и подлежащими отмене», а сам он должен быть признан сугубо политическим действием.

При постановке процесса социалистов-революционеров был нарушен один из основных постулатов римского права, гласивший: «нет закона, нет преступления». Осуждение по свежепринятому в 1922 г. УК РСФСР за события 1918–1920 гг. – правовой нонсенс. Еще один нонсенс хорошо был подмечен одним из лидеров меньшевизма Ю. О. Мартовым: «Чтобы правительство, само созданное заговорщическим переворотом, судило сторонников предыдущего правительства за их противодействие перевороту, да еще через 5 лет, – случай небывалый» (цит. по: [13. С. 554]).

Но есть и еще одно обстоятельство. Большевики, захватив власть, взорвали не только политическую ситуацию в стране, но и единое дотоле правовое поле. Отменив законы Временного правительства, большевики создали собственное правовое пространство, но ведь оно в годы гражданской войны вовсе не было единственным на территории России. В условиях гражданской войны самые разные борющиеся за власть силы, стремились создавать (и создавали) собственные государственные образования и собственные правовые пространства.

Возникает проблема, требующая историко-правового осмысления специалистами. Возможно ли, рассматривая события 1918–1920 гг., отдавать приоритет законотворчеству большевиков, распространяя его и на те территории, где в то время действовало право совсем других государственных образований? Разве летом-осенью 1918 г. жители тех частей Поволжья и Урала, которые находились под властью Комуча, не находились в его правовом пространстве и не должны за все их действия, совершенные тогда, судиться по законам Комуча, а вовсе не враждебной ему РСФСР? Разве то же самое не должно быть применено к территориям ар-

хангельского, колчаковского, деникинского и прочих правительств? Ведь, это в значительно меньшей степени парадоксально и более юридически правомерно, чем судить по советским законам 1922 г. за действия, совершенные в ином правовом пространстве в 1918–1920 гг.³ Или мы признаем в раздираемой гражданской войной России право на существование всех государственных образований с их юрисдикцией, или отрицаем такое право для всех.

Если возвращаться к процессу эсеров, то главный парадокс в том, что нельзя юридическую оболочку сугубо политического действия – расправы и дискредитации политической партии – принимать за главное. Нельзя забывать, что эсеров вывели на открытый процесс вовсе не для того, чтобы юридически квалифицировать их враждебные власти действия, и даже не для того, чтобы судебными методами расправиться с данными конкретными людьми, а для того, чтобы расправиться с политической партией, развенчать ее в глазах народа и затем «добить» полицейскими мерами. Анализ следствия ГПУ и формулировок обвинения, и, особенно, сумбурного изменения списка обвиняемых, позволяют утверждать, что правовая сторона лишь обслуживала политические цели и задачи, которые ставились перед процессом. Конкретные обвинения конкретным людям в ряде случаев носили случайный ха-

³ В этой связи уместно вспомнить, что когда после Февраля 1917 г. в руки новой власти попало много высших должностных лиц, включая весьма одиозных, вроде П. Г. Курлова, жандармского генерала А. В. Герасимова, неизвестной кн. Вырубовой и пр., в которых новая власть (в том числе, и социалисты), видела старых заклятых врагов, запятнанных кровью их товарищей, чтобы не создавать юридического парадокса, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, расследовавшая их деятельность, в качестве своей правовой основы использовала законы Российской империи, действовавшие на момент совершения преступления данными должностными лицами, и все следствие пошло по пути рассмотрения «должностных преступлений», т. е. превышения служебных полномочий в рамках действовавших законов.

ракти. Представляется, что все эти процедуры с предварительным расследованием, следствием и заседаниями Верхтриба, приговором и проч., хотя и обладают необходимой юридической атрибутикой, но правового веса не имеют никакого, являясь лишь политическим действием, облеченным в одежды правосудия.

Еще один аргумент в пользу того, что приговор 7 августа 1922 г. и его корректировка 8 августа того же года Постановлением Президиума ВЦИК не может иметь правового значения сегодня, – это то, что последнее, приостанавливая исполнение смертных приговоров, связывало это с тем, будет ли ПСР далее в борьбе с властью использовать методы вооруженной борьбы в разных ее формах и проявлениях. Таким образом, сама власть в лице высшего ее органа фактически объявляла подсудимых заложниками, грубейшим образом попирая и Конституцию страны, и все существующие законы, в том числе и Уголовный кодекс.

Насколько правомерно относиться серьезно к обвинениям и приговорам этого политического действия, не имеющего законных правовых оснований? Возможно ли считать право устроителей этого процесса на него легитимным и признавать часть приговоров справедливыми?

Следует отметить также, что Генпрокуратура РФ в своих заключениях отметила целый ряд нарушений процессуальных норм со стороны Верховного Трибунала, а также откровенную путаницу и небрежность в приговорах ряду подсудимых (в том числе и случаи, когда обвиняли в одном, а приговаривали за другое). Но главное в том, что Генпрокуратура РФ попыталась восстановить элементарную справедливость, отменив амнистию активистам боевой организации Г. И. Семенову, Л. В. Коноплеву, К. А. Усову, Ф. Ф. Федорову-Козлову, Ф. В. Зубкову, П. Н. Пелевину, В. И. Игнатьеву, ставшую платой за ту роль, которую они сыграли на процессе.

Впрочем, необходимо помнить, что этот процесс выпадает вообще из всех схем. Даже процессы конца 1920–1930-х гг., хотя и были абсолютно лживы, несправедливы, сфальсифицированы, но (как это ни странно звучит) были законны (во всяком случае, буква закона соблюдалась в несоизмеримо большей

степени, чем в ходе процесса 1922 г.). Парадоксально, но подсудимые процесса социалистов-революционеров совершили против власти не только то, что она им инкриминировала (частью это была ложь и напраслина, но частью правда). Наверняка многие из них совершили много таких действий, о которых власть так и не узнала, но тем не менее процесс, как представляется, незаконен.

Думается, что если мы не хотим запутаться в хитросплетениях и парадоксах политики, юриспруденции и здравого смысла, при определении вины подсудимых эсеров надо задать ключевым вопросом – а имели ли они (как и все другие субъекты гражданской войны) право на сопротивление большевикам? Если мы отказываем им в праве силой отвечать на разгон и арест большевиками легитимного Временного правительства, на разгон легитимно избранного прямым, равным и тайным голосованием Учредительного Собрания, которое должно было сформировать легитимное правительство, на расстрел демонстраций в Петрограде и Москве, тогда они, как и все другие противники большевиков, виновны. Но подобное признание противоречит и здравому смыслу, и чувству элементарной справедливости.

И совершенно ясно, что корень проблемы – в устаревшем, компромиссном Законе о реабилитации, принятом на грани двух исторических эпох. Трудно не согласится с авторитетным мнением В. Н. Кудрявцева и А. И. Трусова: «...термин «реабилитация» имеет более широкий смысл, чем в традиционном юридическом его понимании. Мы полагаем, что это одновременно и акт реабилитации невинно осужденных, и акт политической амнистии в отношении всех тех, кто подвергался репрессиям по политическим, социальным, религиозным или тому подобным мотивам, служившим основаниями для признания их социально опасными лицами для существующего строя. Но, возможно, вместо термина «реабилитация» следовало бы использовать понятие еще более широкое...» [8. С. 338].

Список литературы

Войтинский В. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922.

Голос России. 1922. № 999. 25 июня.

Даниэль А. Ю. Концепция реабилитации в контексте политического развития конца 1980-х – начала 1990-х. // Мир после ГУЛАГа: реабилитация и культура памяти. Второй международный симпозиум памяти В. В. Иофе. Сыктывкар, 10–11 сентября 2003: Сб. докл. СПб., 2004.

Дмитрий Дмитриевич Донской / Сост., введ., коммент. Я. А. Яковлева. Томск, 2000.

Журавлев С. В. Человек революционной эпохи: Судьба эсера-террориста Г. И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. 2000. № 3.

Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1991. № 44.

Иофе В. В. Реабилитация как историческая проблема // Мир после ГУЛАГа: реабилитация и культура памяти. Второй международный симпозиум памяти В. В. Иофе. Сыктывкар, 10–11 сентября 2003: Сб. докл. СПб., 2004.

Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000.

Литвин А. Л. Азевф второй. // Родина. 1999. № 9.

Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.

Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Док. из архива П.С.Р. / Ред.-сост. М. Янсен. Амстердам, 1989.

Свирская М. Л. Из воспоминаний / Публ. Б. Сапира // Минувшее. М., 1992. Вып. 7.

Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 554.

Сын «вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» судебного процесса с.-р. 1922 г.: Сб. документов и материалов из личного архива В. Н. Рихтера / Сост. К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова, Т. А. Семёнова (Рихтер). М., 2005.

Центральный архив ФСБ РФ. Дело № Н-1789.

Янсен М. Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. // Минувшее. М., 1992. Вып. 7.

Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

Jansen M. The Trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow, 1922. Martinus Nijhoff Publishers, 1982.

Материал поступил в редколлегию
10.02.2006